

УДК 1 (091)
**СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ БЕРДЯЕВА КАК
ВЕРОЯТНОСТЬ ОРГАНИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ОБЩЕСТВА
НОВОЙ ФОРМАЦИИ**

О.Н. Багаева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова,
ул. Минина 31а, 603155, г. Нижний Новгород, Россия
olga_bagaeva1@yahoo.com*

Проблема коммуникации – составная часть философской мысли прошлого и современных изысканий теоретической философии. Внимание к ней возрастает в современных условиях. Содержание и формы коммуникации зависят от тенденций трансформации духовного облика его участников, обусловленных осознанием ими смысла и основополагающих доминант российских и общемировых социальных процессов. В данном исследовании рассмотрен вопрос субъект-объектных отношений в представлении Н.А. Бердяева. Глубинная сущность коммуникативного акта для Бердяева связана с коренным вопросом — формирования «я» через «ты». Ее интерпретация начинается с разъяснения прежних попыток понимания чужого существования. Н.А. Бердяев ориентируется на «мы» как первореальность, из которой проистекают все прочие взаимоотношения между «ты», «я», «вы». Одним из первых среди русских философов Бердяев представил онтологическое «мы», включающее в себя динамичную систему «я-ты». Таким образом, диалогические отношения превратились в базовый элемент его размышлений о человеческом обществе.

Ключевые слова: русская философия; Бердяев; общение; одиночество; отчуждение; коммуникация; диалог; социальные процессы; чужой; единство.

**SUBJECT-SUBJECT COMMUNICATION OF N.A. BERDYAEV AS A
PROBABILITY OF ORGANIC UNITY IN THE SOCIETY OF A NEW
FORMATION**

O.N. Bagaeva

*Nizhny Novgorod State Linguistic University named after Dobrolyubova
603155, Nizhny Novgorod, st. Minina 31a, Russian Federation*

The problem of communication is an integral part of the philosophical thought of the past and modern research of theoretical philosophy. Attention to it is increasing in modern conditions. The content and forms of communication depend on trends in the transformation of the spiritual image of its participants, due to their awareness of the meaning and the fundamental dominants of Russian and global social processes. In this study the issue of subject-object relations in the view of N.A. Berdyaev is considered. The deep essence of the communicative act for Berdyaev relates to the fundamental question - the formation of the "I" through the "you". Its interpretation begins with an explanation of previous attempts to understand the existence of others. Berdyaev is guided by "we" as the primary reality from which all other relationships between "you", "I", "you" flow. One of the first among Russian philosophers Berdyaev introduced the ontological "we", which

includes a dynamic "I-you" system. Thus, dialogic relations have become the basic element of his reflections on human society.

Keywords: Russian philosophy; Berdyaev; communication loneliness; alienation; communication; dialogue; social processes; alien; unity.

В повседневном мире разобщенных объектов глубинный экзистенциальный мир другого не представляет особого интереса. Мы не делаем попытки проникнуть в другое «я», так как он нам не интересен. Мы воспринимаем другого человека поверхностно, механически, вскользь, походя, не задерживаемся рядом с ним, не выходим к «ты», не «хотим утвердить лик в каждом «ты»» [1, с. 57]. Если «ты» оказывается субъектом, то у «я» возникает желание подойти к «ты» ближе, попасть внутрь его, чтобы перестать быть одиноким. При восприятии другого «я» присуща интуиция к познанию его внутреннего мира. В наличии этой интуиции раскрывается значение и смысл общения между личностями. Духовно-душевный мир человека помогает открыть выражение его лица, глаз, мимические движения и жестикуляция. Характер восприятия «ты» – эмоциональный, симпатический, даже эротический, по мнению мыслителя. Вполне оказывается возможным узнать о жизни человека не только то, что на виду, то, что человек сознательно показывает и открывает, но также и то, что он не демонстрирует (сознательно или бессознательно). Но всегда остается тайна личности, в которую проникнуть невозможно, как утверждает Бердяев. Вся глубина внутреннего «я» не открывается, остается непостигнутой, неразгаданной. Полностью постичь другое «я» невозможно, так как каждый «я» однократен и неповторим. Философ утверждает, что при истинном общении «я» и «ты» оба субъекта полностью открыты друг перед другом, ничего не утаивая; в противном случае акт коммуникации невозможен.

«Я», пишет Н.А. Бердяев, изначально, первично, оно ни из чего не выводится и ни к чему не сводится. «Я» означает прежде всего существующий. «Я» не принадлежит к миру объективированному. «Я», взятое в глубине, необъективированное, экзистенциальное «я» есть суть свободы. Объективированное «я» уже «я» быть не может, строго отмечает мыслитель. Профессор Е.Н. Некрасова первичность «я» сравнивает с некой «идеальной точкой, в которой бытие для себя впервые раскрывается» [2, с. 78]. «Я» не имеет отношения к порядку природы, оно принадлежит к глубинному существованию. «Я» философ понимает как внедобытийственную, примордиальную, «меоничную» [3, с. 17] свободу. Первоначально существует лишь «я», но позже, по Бердяеву, появляется понятие «не-я». От возникновения этого «не-я» «я» начинает ощущать острую боль и мучение. «Я» характеризуется изменением. Изменения, происходящие в «ядре моего «я»» [4, с. 35], свидетельствуют о том, что «я» существует, остается и пребывает. «Я» может постоянно двоиться, троиться, становиться то более широким, то более узким, менять свои личины, но при всем при этом оно остается единственным и неизменным. Философ пишет: «Я» есть единство во всех изменениях, вневременной центр, не определяющийся извне» [5, с. 266]. Изменения, происходящие в «я», могут определяться извне, но само ядро «я» определяться извне, из «не-я» не может. Оно определяется лишь изнутри, но активно реагирует на любое действие извне. Любое «я» походит на любое другое «я», но им являться не может, поскольку «я» есть «я» и другим «я» быть просто не может. Глубина «я» является особым миром существования,

который может предполагать наличие других «я», но не отождествляет себя с ними.

Сознание себя «я» предполагает, согласно Бердяеву, сознание наличия других «я» (здесь точки зрения русского и немецкого экзистенциалистов не разнятся). «Личность не существует, если нет ее отношения к другим личностям, к личности Бога, к личности другого человека, к сообществу людей» [2, с. 81], – отмечает Е.Н. Некрасова. Обособление, уединение «я» от всякого другого «я», от «ты» есть самоистребление. Более того, «я» перестает существовать, когда рядом не существует «ты», утверждает философ. «Я» может познавать себя в процессе собственной деятельности. Эта деятельность возможна в том случае, если существует не только активно-деятельное «я», но и другие «я». Стоит отметить, что речь идет не о существовании объектов вокруг «я», а о существовании таких же субъектов, активно-творческих «ты». По мнению исследователей в области истории философии, история русской философской мысли любовно демонстрирует представление о личности как уникальной, единственной в своем роде. Но, стоит отметить, что если человеческая личность и рассматривалась как редкостное, исключительное явление, но она занимает это место внутри «органически истолкованного всеединства» [6, с. 164]. Личность становится искомой частью важного, органического целого. В глубоком понимании возможно провести тождество между конкретной единичной личностью и неким целым, состоящим из таких наполненных сущностным содержанием единичных индивидуумов. Представляется достаточно интересной следующая мысль Николая Александровича Бердяева: уникальная личность одновременно тождественна множеству таких редких микрокосмосов, но в это же время она не занимает никакого иерархического места в нем, так как такое миропонимание лишено наличия какой-либо иерархии, потому что, иерархизированный мир рассматривается Бердяевым как падший, несовершенный. Идеальное состояние общественных отношений по Бердяеву предполагает отсутствие иерархии, но при этом сохраняет различия людей.

В «я» Бердяева входит не только душа человека, но и его тело. Так же как и душа, тело человеческое принадлежит к двум мирам: к миру объективированному и миру внутреннего существования. Поэтому в суть «я» входит боль, ощущение раненности, разрыв. Эта боль связана с тем, что «я» выброшено в этот мир, но одновременно принадлежит не только ему. «Я» пытается трансцендировать себя, выходить за пределы мира «сего». Попытки трансценденции носят мучительный и болезненный характер, так как личность остается в мире этом. Глубина «я» потому и открывается, так как «я» ощущает связь с трансцендентальным. «Я» может перестать существовать, если останется «безысходным», то есть прекратит трансцендировать. «Я» имеет внутреннее существование, поскольку оно не социализируется и не объективируется, а также выходит к другому и другим «я». «Каждая встреча субъектов есть духовный акт» [7, с. 93]. Мыслитель называет разрушительным состояние человека, когда его «я» эгоцентрически погружено в себя и свои состояния, забывает о других и о целом мире, который его окружает. Осевая проблема «я», возникающая перед ним, это проблема одиночества.

«Я» имеет свойство переживать острое, жгучее чувство одиночества, замечает русский философ. Через момент переживания одиночества рождается личность, ее самосознание, как считает Бердяев. Ощущение одиночества не было свойственно людям, живущим в коллективе, по правилам родового устроительства жизни. Выход личности из родового сознания

сопровождался нестерпимым чувством одиночества. Человек имеет свойство горько переживать свою особенность, единственность, неповторимость и несхожесть с другими. Профессор Н.В. Хамитов пишет по этому поводу: «Человеческая жизнь есть бесконечное разрушение одиночества и углубление в него» [8, с. 5]. Когда «я» переживает свое одиночество в особо острой форме, то все и вся кажется чуждым и чужим. «Я» ощущает себя словно не у себя дома, не у себя на родине, не в мире его собственного существования. И другие воспринимаются «я» как принадлежащие к «не моему» миру. Этот мир и эти люди в восприятии «я» являются как объекты, с которыми человек не только связан, но прикован к ним железными путами. Объективированный мир, куда его «насильственно втискивают ... и жизнь его распределяют по таблицам» [9, с. 51], не выводит человека из состояния одиночества. Когда объектом становится Бог, то даже он не в силах остановить надвигающееся одиночество. «Я» перед лицом всякого объекта, кем он ни был, всегда одиноко, по мнению Н.А. Бердяева. В своем собственном мире, в самом себе «я» не только остро осознает свою исключительность, неповторимость, но в то же время желает выйти из одиночества, тоскует по общению с субъектом, с «ты» и с «мы». С одной стороны, «я» испытывает жажду по выходу из замкнутости, по встрече с другим «я», но с другой стороны, боится этого, защищается от встречи с ним. Любой человек имеет священное право на уединение и на охранение своей личной жизни от посторонних глаз. Ошибочно предполагать, что одиночество является крайним солипсизмом, считает философ. Оно, по мнению Бердяева, наоборот, подразумевает наличие другого и других.

Н.А. Бердяев полагает, что оборотной, но неотъемлемой стороной одиночества, является обращенность к миру других. Но этот другой оказывается посторонним объектом. «Я» одиноко не в своем внутреннем существовании, а перед лицом другого и среди других. Трудно представить абсолютное одиночество, оно всегда относительно. «Абсолютное одиночество есть ад и небытие, его нельзя мыслить положительно, его можно мыслить лишь отрицательно» [5, с. 268], – пишет мыслитель. Относительное одиночество, как считает мыслитель, может стоять и под положительным знаком. Оно может означать другое состояние «я», возвышающее его над общим, над тяжестью объективированного мира. Относительное одиночество предполагает отпадение не от Бога и Божьего мира, а от давящей социальной обыденности. «Я» отрывается от жестких уз социальной обыденности и повседневности и устремляется к подлинному и глубинному существованию, от мира падшего к миру просветленному. Такое состояние экзистенциального субъекта может означать рост души, рост личности, «она разворачивается, развивается, обогащается» [10, с. 13]. Такие понятия как: пространство и время являются источниками одиночества, и в тоже время могут являться призрачным показателем преодоления состояния одиночества. Из-за пространства и времени люди разъединяются между собой, а самое страшное, по мнению Бердяева, то, что люди могут соединяться в пространстве и времени не в подлинном существовании и общении, а в объектности. Преодоление пространства и изменение во времени является для экзистенциального субъекта выходом из «зафиксированного, стабилизированного одиночества» [5, с. 269]. Но одиночество предполагает не только механическое преодоление пространства, но органическую потребность в общении. «Только через углубление одиночества можно утвердиться в бытии и обрести единство со всем живущим в доме бытия. Одиночество есть путь к любви. Одиночество является необходимым мостом

к истинной дружбе» [8, с. 156], – профессор Хамитов Н.В. отмечает положительную сторону этого состояния. Когда «я» осознает в себе личность и хочет в себе ее реализовать, то «я» осознает невозможность остаться замкнутым в себе, но в тоже время ощущает трудность выхода из себя в другое «я».

Одиночество, согласно Н.А. Бердяеву, также может быть социальным. Ощущение себя одиноким в обществе, своей «неукорененности в мире» [4, с. 35], является самым мучительным, по мнению философа. Проблема одиночества и есть проблема социального одиночества. Это есть одиночество в мире чуждых, разобщенных объектов. Выход в мир «не-я», в объект совсем не означает преодоление одиночества. Человек ежедневно совершает выход в объект, но от этого одиночество не только не прекращается, но и усугубляется. Объект не может ослабить состояние одиночества. Оно не преодолевается при помощи встречи с «не-я», оно может быть преодолено в порядке существования и общения, в выходе к «ты». Для того чтобы выпасть из состояния одиночества необходимо, по Бердяеву, выйти из мира объектов. Когда «я» стремится к выходу из предметного мира и одиночества, то пытается его победить различными способами: с помощью любви, дружбы, морали, искусства и др. Неверно было бы сказать, что одиночество на этих путях совершенно не преодолевается, но и неправильно было бы предположить, что оно преодолевается окончательно. На всех вышеперечисленных путях, утверждает философ, лежит печать объективации, где «я» встречается с не «я», а с «ты», с объектом. Примечательно, что в некоторых случаях псевдообщение с объектом может на некоторое время ослабить, притупить жгучее чувство одиночества, попытаться вернуть человека в «органический строй и лад жизни» [11, с. 81]. Но после этого оно наступает еще явственнее, с еще большей силой.

Чувство одиночества, согласно Н.А. Бердяеву, может быть переживаемо как неверное отражение в другом. Каждый субъект жаждет быть услышанным и увиденным. Он хочет быть правильно отраженным в другом, тем самым, получить подтверждение о своем существовании, утверждение о своем «я». «Я» ощущает глубокую потребность «отразиться» в другом «я», чтобы тот, другой увидел, услышал, признал его в его единственности и неповторимости. В этом кроется глубокий и сокровенный смысл явления любви. «Одиночество – величественное условие развития персоны и развития вообще – всегда есть средство, любовь – исход и цель» [8, с. 169]. Неудача любви, по Бердяеву, может заключаться в том, что человек оказывается не в состоянии выйти из себя в другого, даровать ему подтверждения его исключительности, то есть «я» может быть неправильно истолковано другим «я». Ключ к пониманию данной ситуации в следующем: случилось так, что один из партнеров – объект. Рок объекта, который его сопровождает, в том, что он просто не в силах оценить, правильно истолковать субъект, поэтому он оставляет «я» другого безысходным, невыраженным, одиноким. Выход из себя в другого и других, познание их глубины есть суть расширения «я», победа над пространством и временем, согласно мыслителю. Познание объекта не есть настоящее преодоление чувства одиночества, так как ни один объект не может освободить из его пут. Любой объект всегда холодно чужд настоящему «я». Перед невыразительным лицом объекта «я» всегда пасует, оставаясь наедине с собой, трагические противоречия «я» остаются неразрешенными. Одиночество в самом высшем своем измерении есть «выражение тоски по Богу, по Богу, как субъекту, а не объекту, как «ты», а не как «оно» [5, с. 270].

В Боге и заключается суть преодоления одиночества, обретение смысла существования, нахождение родственности и онтологической близости, подтверждение того, что ты есть не всуе. «Перед Богом, в обращенности к Богу человек подымается, он высок, он побеждает ничто» [12, с. 298]. Бог, и только Бог, уверен Н.А. Бердяев, есть то, чему можно довериться без остатка.

Можно сделать предположение, что одиночество – это явление субъективного характера. Бытие имеет свойство раскрываться перед «я» субъективно. Отношение «я» к бытию, к миру двояко. С одной стороны, это – болезненное переживание своего прихода в этот мир из мира иного, чуждого этому, это острое ощущение «я» своей покинутости, заброшенности, одиночества в этом мире. С другой стороны, «я» историю мира транслирует на себя, хочет пропустить через собственные онтологические слои и ощутить как свою. Все, что происходит в этом мире, происходит с конкретной личностью, судьба этого мира – личная судьба индивида. «Я» все вдруг представляется то чуждым и далеким, происходящим с кем-то иным, то своим и родным, имеющим отношение только к нему. Бердяев отмечает, что не все, что происходит с «я», должно переживаться как родственное, а иногда даже «я» по мере возможности следует абстрагироваться от псевдоблизкого. Речь в данном случае идет об обществе, в котором люди вынуждены существовать, об «обманчивом социальном покрове бытия» [1, с. 47]. Общество для Н.А. Бердяева «не экзистенциально», оно не способно решить вопрос об одиночестве. Общество для глубинного «я» есть объект, принудительная «выброшенность» человека в его сеть является чуждым ему самому. Но тот факт, что человек «оставлен», «выброшен» в общество имеет большое значение для экзистенциальной судьбы «я». «Выброшенность» «я» в общество, в социальную обыденность – показатель падшести человека. Общество, по Бердяеву, есть фатум человека в этом царстве разобщенных, чуждых объектов. «Я» по каким-либо причинам может отпасть от своего внутреннего «я», от глубины своего существования и попасть в омут общественных отношений, таким образом, может произойти «экстериоризация микрокосмичности человека» [13, с. 228].

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.
2. Некрасова Е.Н. Живая истина. Метафизика человеческого бытия в русской религиозной философии XX века. М., 1997.
3. Тульчинский Г.Л.. О природе свободы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 17.
4. Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1990.
5. Бердяев Н.А. Я и мир объектов (Опыт философии одиночества и общения) // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
6. Крикунов А.Е. Целое из частей: образование и иерархия мира в русской философии. Елец, 2016.
7. Герт В.А. Индивидуальность человека: бытие и деятельность. Екатеринбург, 2018.
8. Хамитов Н.В. Философия одиночества. Опыт вживания в проблему. Одиночество женское и мужское. Киев, 1995.
9. Бердяев Н. Мирозерцание Достоевского. // Н. Бердяев о русской философии. Ч. I. Свердловск, 1991.
10. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.

11. Юрикова, С.А. Проблема социальной гармонии. Орел, 2018.
12. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М, 1995.
13. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация) // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.